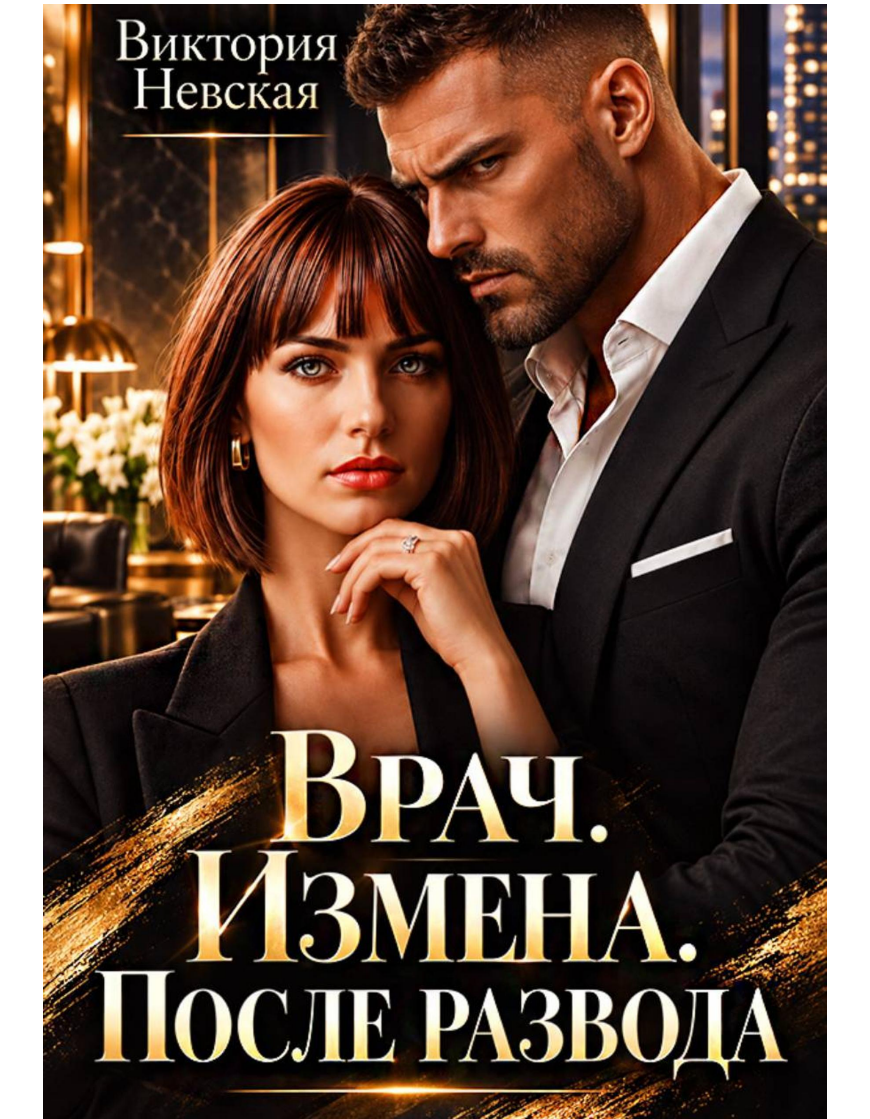

A man and a woman are shown in a close embrace. The man, on the right, has short dark hair and a beard, wearing a dark suit and a white shirt. He is looking down at the woman with a serious expression. The woman, on the left, has short brown hair with bangs and blue eyes, wearing a dark blazer. She is looking directly at the camera with a neutral expression, her hand resting near her chin. The background is a blurred interior of a restaurant or bar with warm lighting and a city skyline visible through a window.

Виктория
Невская

ВРАЧ.
ИЗМЕНА.
ПОСЛЕ РАЗВОДА

Виктория Невская

Врач. Измена. После развода

<https://litres.ru/74467729>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я узнаю, что у моего мужа есть беременная любовница. Она уже появляется в школе моих дочерей, бывает рядом с ними и ведёт себя так, будто постепенно занимает моё место.

Пока я разбираюсь с изменой и готовлюсь к разводу, выясняется, что она появилась в нашей семье не случайно. В детстве она жила вместе с матерью в нашем доме и много лет хотела туда вернуться. Муж стал для неё способом снова попасть в этот дом и приблизиться к тому, что принадлежит моей семье.

Содержание

ГЛАВА 1.	4
ГЛАВА 2.	12
ГЛАВА 3.	20
ГЛАВА 4.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виктория Невская

Врач. Измена.

После развода

ГЛАВА 1.

— Руки мыть — и за стол.

Суббота, восемь утра, столовая на первом этаже — мамина, как и весь этаж. Стол на двенадцать, сервиз с синей каймой, Изольда Тихоновна во главе, спина прямая, как на построении. Зина ставила чай: маме — чёрный без сахара, мне — с чабрецом, девочкам — какао в чашках с именами, Вадиму — зелёный, который он не любит, но пьёт, потому что однажды за этим столом ему его назначили.

Вадим спустился в халате, поцеловал меня в щёку и сел напротив.

— Как Москва?

— Шумная. Два контракта. — Я взяла чашку. — А на Празднике осени благодарили маму, которая приезжала с папой. Валерию.

Он провёл ладонью по халату сверху вниз — там, где по будням у него галстук.

— А, Лера! Мой администратор. Я попросил её отвезти в

гимназию договор по ДМС для учителей, она заодно и класс украсила — у неё руки золотые. Девочкам велел молчать: сюрприз, чтобы тебе приятно было. Ты же с салона летела.

— Она представилась учительнице мамой.

— Алёна Романовна молодая, первый год, перепутала. —

Он отпил зелёный и не поморщился. — Злат, ты устала после сбора.

— Сбор кончился две недели назад.

— Вот и устала.

Мама поставила чашку на блюдце. Когда она это делает, за столом замолкают все, даже Стася.

— Коротко. Суть.

— Суть — гирлянды, мама. Их вырезала не я, а благодарили не меня.

— Гирлянды — не диагноз. — Она повернулась к зятю.

— Совет госпиталя в понедельник. Ты медицинский партнёр фонда — отчёт по реабилитации семей мне на стол к вечеру воскресенья.

— Будет, Изольда Тихоновна.

Под столом Стася пнула сестру и зашипела на весь стол:

— Скажи!

Уля резала сырник на восемь частей и не подняла головы.

— Что сказать? — Мама смотрела на Стасю поверх чашки.

— Ничего! Это секрет!

— В этом доме секреты сдают до завтрака. Ешь.

— А папа не разрешил... — Стася оглянулась на отца, отец посмотрел на часы, и она замолчала сама.

— При Гале так за столом не сидели. Спины.

Обе выпрямились. Стася заглянула маме в лицо:

— Бабуля, а кто такая Галя?

— Кухарка. Была. Ешь.

В холле на доске Зина ещё с вечера написала субботу: «Стася — гимнастика, 10:00. Уля — студия „Милованова“, 10:00. Английский — 12:00, дома».

Две одинаковые сумки стояли рядом: в одной морс, в другой вода, потому что Уля его не пьёт с четырёх лет и Зина это помнит лучше меня. Паша ждал у ворот.

— Я девочек сам отвезу. — Вадим уже был в пиджаке и с ключами. — В субботу я папа.

— В субботу ты папа. Отвези.

Уля обернулась на меня с порога. Я кивнула ей, и она пошла.

— Злата Андреевна, куда?

— На усадьбу, Паша.

Полчаса на восток, ворота с камерой, тополияная аллея, слева склон в шпалерах до самого Дона, справа цех и бочковой зал. Сбор кончился, лоза стояла голая и рыжая, и на террасе главного дома Кристина ждала меня с планшетом, как всегда по субботам.

— Шапошников в четырнадцать. Дегустация в шестнадцать, восемь человек, из Краснодара. Марго просила ящик

молодого к пятнице и передала, что ты ей до сих пор должна.

— Марго я должна с две тысячи десятого. Кристина. Проверь: есть у клиники «Плетнёв» договор ДМС с Александровской гимназией. Для учителей.

— Они у Шапошникова, у нас с ними один страховой дом. Я позвоню его помощнице. — Она уже писала. — И в гимназию — как поставщик?

— Да. И спроси заодно, кто у них украшал класс к Празднику осени.

— Злата Андреевна, я поставщик, а не мама.

— Ты помощница хозяйки. Спрашивай.

Шапошников приехал в два, в замшевой куртке, обошёл бочковой зал и говорил про своего Кумача больше, чем про Кубок.

— Кумач в апреле возьмёт, Злат. Я страховщик: я во всё верю и всё проверяю. Этого смотрел лично, вчера, на разминке.

— Проверь свою ложу. Она рядом с моей, и в ней в прошлом году кричали громче, чем на дорожке.

— В этом году будем громче. — Он пожал мне руку двумя своими. — Вадиму привет. Как клиника?

— Растёт.

— А ДМС по гимназии кто у вас вёл? Мне помощница сказала — «Плетнёв» запрашивал полисы на учителей. В сентябре.

— Уточню.

— Запрашивал и не подал. Я потому и спрашиваю.

В «Своды» я спустилась одна. Низкий камень, три нефа, бочки по стенам, длинный стол при свечах и ниша с семейными бутылками: тринадцатый год — свадьба, восемнадцатый — девочки.

Я открыла третью бочку своим ключом, набрала в бокал и посмотрела на свет. Молодое было мутным, ему положено. Осадок вниз, вино наверх.

Кристина спустилась через двадцать минут и остановилась на нижней ступеньке.

— Нет. Гимназию по полису обслуживает другой медцентр, «Плетнёва» у них в договорах нет вообще. Дежурный администратор подтвердил: не работали и не работают.

— Кто такая Валерия Сапрыкина?

— Администратор клиники с февраля. Двадцать восемь лет. Страница открытая: лосины, зал по утрам, «Вадим Игоревич — лучший руководитель на свете», три сердечка. Снимает квартиру у Центрального рынка, пятый этаж, пишет — «зато рынок под окном».

— Дети у неё есть?

— Нет. Кота нет. Есть зал и Вадим Игоревич.

Я вылила бокал обратно в бочку и закрыла кран.

— В среду я везу девочек в гимназию сама. Паша до обеда свободен.

— Поставила в график. — Она не уходила. — Злата Андреевна, класс украшала она. Администратор гимназии так

и выразился: «жена вашего главврача, молодая такая».

— Я поставщик, Кристина. Мне такого не говорят.

— Поставщикам, Злата Андреевна, выкладывают всё. Хозяйкам — нет.

В четыре пришли краснодарские, восемь человек, рестораторы, двое с жёнами, из тех, кто считает себя югом. Я во-дила их по «Сводам» со свечой в руке, как всегда: сначала ниша с бутылками, потом бочки, потом стол. Тарас разливал.

— А почём у вас гектар? — Тот, что в кепке, поставил бокал. — Я третий год торгуюсь за такой же под Абрау.

— Гектар у меня не продаётся. Продаётся то, что на нём выросло.

— Вот поэтому и не продаётся.

Я говорила про склон, про деда и про то, что первый ящик продала Марго за полцены и она до сих пор мне это припоминает.

— А супруг ваш тоже по вину? — Одна из жён, в шёлковом платке, кивнула на нишу с бутылкой восемнадцатого года.

— Супруг по медицине. У него клиника.

— Повезло вам. Вино и врач в одном доме.

— В одном.

Вадим привёз девочек к семи — «ужинать всей семьёй», на террасу, где шеф уже поставил казан, а Тарас Гаврилович, управляющий, стоял у перил и смотрел на реку, как каждый вечер.

— Тарас Гаврилович, молодое уже можно? — Вадим хлопнул его по плечу.

— Хозяйка скажет.

— Можно. Один бокал. Он мутный, не пугайся.

Он засмеялся, обнял меня сзади за плечи и поцеловал в шею — при Тарасе, при шефе, при девочках. Тарас отвернулся к реке.

Уля села справа от меня, вплотную, и взяла мой рукав в кулак. Так она держала меня в три года, когда в доме были гости.

— Мам, а мы после английского в папину клинику заезжали! — Стася тянулась за хлебом через стол. — Там графины с водой и мандарины на стойке, и Лера нам...

— Стася, ешь.

— Но Лера же...

Уля положила ей на тарелку хлеб, и Стася занялась едой.

— На пять минут заехали. Мне подписать надо было. — Вадим взял бокал. — Они в холле сидели, с планшетом.

— В субботу ты папа.

— Я и был папа. Пять минут, Злат.

— С мандаринами.

— Пап, а Лера тоже приедет ужинать? — Стася прожевала и вернулась. — Она же семья...

— Кто тебе такое... — Он не договорил, потому что Тарас поставил перед ним казан и стоял над ним, пока он не взял ложку.

Вадим налил мне молодого и себе, сказал тост про «нашу хозяйку и нашу лозу», и Тарас за него не выпил.

Девочки спали в «Первом», у Кристины, и в десятом часу я спустилась в «Своды» одна. В нише за семейными бутылками стоит маленький стальной сейф, где лежат ключи от всех бочек. Я достала из кармана жилета лист с гирлянды и положила его сверху.

— Что это?

Вадим стоял на ступенях с бокалом.

— Гирлянда. Твоего администратора.

Он спустился, взял лист, повернул к свече и прочитал. Круглый почерк, сердечко вместо точки.

Он читал дольше, чем нужно на одну строчку. Потом сложил его вчетверо, положил обратно на ключи и закрыл дверцу сейфа сам.

— Детская игра, Злат.

— В среду я отвезу их сама.

— Отвези. — Он допил и поставил бокал на бочку. — Только не устраивай там ничего. Это гимназия, а не твоя усадьба.

ГЛАВА 2.

— Она приехала в четверг, в четыре. На папиной машине, папа ждал внизу.

Алёна Романовна стояла в дверях своего класса, за её спиной первый «А» вешал куртки на именные крючки, а мои девочки уже сидели за второй партой и делали вид, что меня здесь нет. Среда, половина девятого, Пушкинская за окнами жёлтая от платанов. Я привезла их сама, как обещала, и осталась в коридоре.

— И как она себя назвала?

— «Я мама, мы с папой решили сделать сюрприз». Девочки её за руки держали, обе. Она класс сфотографировала — для своей страницы. — Учительница говорила тихо и всё время оглядывалась на детей. — Злата Андреевна, я не имела права её не пустить. У неё в дневнике статус.

— Какой статус?

— Мама.

Из класса выскочила Стася, без куртки, с одной косичкой расплетённой.

— Мам, ты ещё тут? А за нами кто придёт — ты или папа?

— Паша.

— А Лера?

Уля вышла следом, взяла сестру за расплетённую косичку и увела в класс, как уводят за поводок. Алёна Романовна за-

крыла за ними дверь и осталась в коридоре со мной.

— Злата Андреевна, я год как из института. Я не знаю, как в таких...

— Никто не знает. Идите к детям.

Кабинет директора был на первом этаже, с окнами в сад. Панова, седая, в строгом жакете, повернула ко мне экран, не дожидаясь вопроса.

«Контактные лица. Мать — Плетнёва Злата Андреевна. Мать — Сапрыкина Валерия Анатольевна. Добавлено отцом 15.09».

— Две матери.

— У нас в гимназии нет мам и пап, Злата Андреевна. У нас есть законные представители. Отец — законный представитель. Он внёс контактное лицо, система приняла. Кто внёс, тот и убирает: заявление пишет он.

— Я напишу своё.

— Пишите. — Она подвинула мне лист и ручку. — Приму. Обещать не буду: у отца те же права, что у вас, и он о них знает.

Я написала: прошу не выдавать моих детей никому, кроме матери, отца, бабушки Изольды Тихоновны Верещагиной и водителя Павла. Дата, подпись. Панова прочитала до конца, поставила на угол «принято» и убрала лист в папку, на которой стояла наша фамилия.

— Вы с супругом это обсуждали?

— Обсудим.

В клинику на Большой Садовой я приехала к одиннадцати. Два этажа особняка, «Клиника Плетнёв» над входом, холл с кожаными диванами, графины с водой и лимоном на низких столах, стеклянные двери кабинетов.

Ни одного человека в ожидании, кроме двух женщин на диване у окна. Приём по записи, всё тихо, всё дорого. Мама купила это два года назад и повесила на зятя, как табличку.

За стойкой сидела она.

Двадцать восемь лет — я знала это от Кристины, но и без неё было видно. Платье в обтяжку, тёмно-синее, живот под ним небольшой, но у худой заметный, ногти длинные, розовые, на среднем пальце — заклеенный.

На спинке её стула висела норка: короткая, тёмная, с косым воротом. В октябре. У меня такая три года в чехле. У половины города такая есть.

Голову она подняла за три шага до стойки и узнала меня сразу.

— Злата Андреевна! — На весь холл. — Вадим Игоревич сегодня на выезде, вы к нему? Или... ко мне?

— К терапевту.

— До трёх всё занято, у нас же по записи. — Она защёлкала по клавишам. — Записать вас на четверг? Это же папин день у девочек, вы знаете, вам удобно будет.

Женщины на диване подняли головы обе. Одна, в бежевом, с сумкой на коленях, взгляделась и просияла:

— Злата Андреевна! А мы у вас на террасе в августе си-

дели, на юбилее мужа, помните? Вы нам бочку открывали!
— Помню. Вы просили красное, а пили белое.
— Точно! — Она засмеялась и повернулась к соседке. — Это Верещагина, вино. А это, значит...

Она не договорила и посмотрела на стойку. На живот.
— Откуда вы знаете, какой у девочек папин день?
— Так это же все знают. — Она встала, чтобы взять бланк с полки за спиной, и живот стал виден весь, от края до края, и она выпрямилась, чтобы его было видно. — Вас как записать — Плетнёва? Или вы по девичьей ходите? У нас по полису, мне надо правильно.

Я стояла у стойки клиники моего мужа, как записываются на приём чужие люди, и она это знала, и женщины на диване это знали, и медсестра в белом, которая вышла из-за стеклянной двери с папкой, тоже уже знала.

— Не записывайте.
— Как скажете. — Она села и положила руки на живот.
— Вадиму Игоревичу передать, что вы заезжали?

Я оставила её вопрос на стойке и пошла к дверям. За спиной медсестра сказала одно слово, тихо, но не настолько, чтобы я не услышала: «жена». Кому — я не оборачивалась.

В машине Паша не задал своего «куда» и не посмотрел в зеркало. Он смотрел на дорогу.

Вадим вернулся в восемь и поднялся сразу ко мне в спальню, не заходя к девочкам. Он уже знал.

— Ты приехала к Лере в клинику?

— Я приехала в твою клинику.

— Она мне позвонила в слезах. Ты на неё смотрела, как на... — Он сел на край кровати, снял галстук и повесил на спинку стула. — Беременная девочка. От жениха. Жених её бросил, у неё никого. Я ей помогаю. Я же врач, Злат. А ты приехала и стояла над ней, как над...

— Беременная от жениха.

— Да. От жениха, Злат.

— Который её бросил.

— Да, Злат.

— И она знает, какой у моих дочерей папин день.

— Все в клинике знают, что по четвергам я забираю девочек. Это график. — Он провёл ладонью по галстуку на стуле, сверху вниз, разгладил и оставил. — Злат. Ты устала после сбора. Ты видишь то, чего нет. Поживи неделю на усадьбе. Я повожу девочек, с Лерой — она с ними хорошо, ты сама видела гирлянды.

— С обеих сторон видела.

— Ну вот. — Он встал и попробовал взять меня за плечи; я отошла к окну, и его руки остались в воздухе. — Хочешь — скажем маме. Она всё решит: назначит тебе неделю на усадьбе, мне — выговор, и всё успокоится.

— Маме я скажу сама. Когда будет что.

— А сейчас нечего?

— Нет. — Я повернулась к нему. — В субботу ты приедешь на усадьбу один. Без девочек, без бригады, без адми-

нистратора. И скажешь мне правду. Всю.

— Я тебе её и говорю. — Он погладил галстук ещё раз.

В четверг он уехал в семь вечера — «ужин с партнёрами по ДМС, Злат, до ночи, не жди». Девочек Паша привёз с продлёнки, английский был дома, в четыре, и после урока Уля пришла ко мне в гостиную с книжкой и села рядом, не открывая её.

— Мам. Ты папе не говорила?

— Нет. Я обещала.

— Он не расстроился?

— Он ничего не заметил.

— А ты?

— Я — нет. — Я открыла ей книжку на закладке. — Читай. Я слушаю.

Она читала мне вслух до девяти, и я слушала. Телефон зазвонил в десять минут двенадцатого. Марго.

— Злат. Ты сидишь?

— Лежу.

— Твой Вадим сейчас у меня. В «Вербе». С ней. Стол у окна на двоих, уха и белое, он заказал моё, твоё не заказывает. — Марго говорила быстро, как всегда, когда злилась. — Метрдотель мой признался: они у меня по четвергам с мая. С мая, Злат! Я в отъезде была, я не видела, а он видел и молчал, зараза, я его завтра уволю.

— Не увольняй. Он тебе ещё пригодится.

— Стол на двоих — это уже не ужин. Это заказ. Я ресто-

ратор, я вижу, кто с кем ужинает, раньше их жён. А тут — раньше меня. — Она перевела дух. — И слушай. Она в норке. Короткой, тёмной, с косым воротом. Злат, это твоя норка. Я её на тебе видела. В четырнадцатом году, на моём дне рождения, ты в ней приехала и жаловалась, что жарко.

— Ты уверена?

— Я всю жизнь смотрю на людей в верхней одежде. Я уверена. — Марго помолчала. — Хочешь, я к ним подойду? Как хозяйка. Спрошу, как дочки, как здоровье. Я умею так спросить, что он уху обратно выплюнет.

— Не подходи. Пусть доедят.

— Злат, он у меня в зале сидит в твоей шубе!

— Шуба на ней, не на нём. Пусть доедят, Марго. Уху ты варишь лучше всех на левом берегу, зачем её на пол лить.

— Ты что задумала?

— Ничего. Я иду посмотреть на чехол.

— Злат...

— Я перезвоню.

Гардеробная у меня — отдельная комната, с окном во двор, где сирень и старая груша. Слева — платья, справа — обувь, в дальнем ряду — чехлы с шубами, восемь штук, от пола до плечиков. Я включила свет и пошла вдоль ряда.

Второй слева.

Я взялась за язычок молнии и потянула вниз, до самого пола.

Чехол был пуст.

Я повесила его обратно, ровно, как висел, и набрала Марго.

— Подойди к ним. Скажи от хозяйки: шуба моя.

— Злат!

— Уху не трогай. Шубу трогай.

ГЛАВА 3.

— За лозу и за руки.

Сорок человек за длинным столом на террасе подняли бокалы, и Тарас Гаврилович, который стоял с кувшином у моего плеча, тоже поднял — кувшин. Суббота, четвёртое октября, закрытие сбора.

Так у нас с первого года: последний ящик сдан, пресс вымыт, и хозяйка сажает за стол всех, кто держал секатор. Шеф с двумя поварами вынес казан, Тарас разливал молодое, мутное, кислое, счастливое, и с реки тянуло холодом, но никто не уходил в зал.

— Злата Андреевна, а в этом году какой сахар?

— Двадцать три. Лоза постаралась, а вы — доработали.

— А хозяин где?

— Хозяин едет.

Он приехал к третьему тосту, в пиджаке, с букетом для меня, при всех, поцеловал в губы долго, чтобы видели, и сел по правую руку. Работники загудели. Тарас налил ему молодого до половины и отошёл.

— Кристина. Девочек — в «Первый».

— Мультики и пирог, Злата Андреевна. Уже поставила.

Уля не сдвинулась с места. Она стояла у моего стула и держала рукав.

— Мам, а ты?

— Я с папой поговорю и приду. Иди.

— Ты придёшь?

— Я всегда прихожу.

Она пошла за Кристиной, оглядываясь через каждые три шага. Стася шла впереди и ни разу не обернулась, потому что пирог.

Я дала ему съесть казан. Я дала ему сказать тост про «нашу со Златой усадьбу» и посмотреть, как за него не выпил Тарас. Потом встала.

— Пойдём. Покажу тебе бочку.

— Какую?

— Свою.

В «Сводах» свечи зажигают к вечеру, для гостей. Сегодня они горели с утра, и гостей не было. Был он.

Каменные своды, три нефа, бочки по стенам, длинный стол, ниша с семейными бутылками. Я подошла к третьей бочке, где неделю назад стояла с Кристиной, и повернулась.

— Норка. Гирлянды. Живот. Говори.

— Злат...

— Говори.

— Ты устала после сбора. Ты вторую неделю...

Я достала из сейфа в нише лист, сложенный вчетверо его рукой, развернула и положила на бочку между свечами.

— «Уля плюс Стася плюс Лера равно семья». Твоим детям семь лет. Твоя мать тридцать лет читала актовые записи — ты знаешь, что такое подпись. Это — их подпись. Говори.

Он сел на скамью у стены и стал смотреть на лист, а не на меня. Свеча между нами дрожала.

— Да. Лера. С весны.

— С какой весны?

— С апреля. Ребёнок — мой. Мальчик. — Он поднял голову. — Я хотел сказать после Кубка. Раньше не мог, Злат. Ты бы... Ты вся здесь. В бочках. Ты Верещагина. А я в вашем доме — зять генерала. На мне даже машина — клиники. А она на меня смотрит снизу вверх. Понимаешь? Снизу вверх.

— И тебе понравилось.

— Ты никогда так не смотрела. Ни разу.

— Ты стоял выше.

— Я стоял, где поставили! — Он вскочил со скамьи. — Ты хоть понимаешь, что твоя мать мне клинику не подарила? Она мне её вручила. Как зелёный чай! И ты так же: назначила меня мужем — и всё, работай, Вадим, улыбайся, Вадим!

— Я тебя не назначала. Я тебя выбрала.

— Ты выбрала то, что тебе привели показать.

— Что ты сказал девочкам?

— Что это игра. — Он опустил глаза на лист. — Что тётя Лера будет иногда как мама. Что маме будет приятно, если они ей не расскажут, а потом — сюрприз.

— Приятно.

— Злат, они дети, они не понимают...

— Они месяц держали твой секрет. Уля от меня в машине шёпотом — «только папе не говори». Она за тебя боялась,

не за себя. Ты это понимаешь?

— Я не думал, что...

— Ты не думал.

Я смотрела на него и думала не о ней и не о мальчике, а о том, что «снизу вверх» он выбрал заранее и повторял по дороге, в машине, чтобы прозвучало. Так говорят выученное — по этикетке.

Я ударила его наотмашь, тылом кисти, в скулу, и под сводами это щёлкнуло сухо, как лопнувший обруч. Он взял меня в горсть за жилет, у самого горла, и тряхнул дважды, так что лопатки мои стукнули в дуб; свечи на столе подскочили, а его бокал с молодым, оставленный на краю, съехал и лопнул на камне.

— Ты меня с самой свадьбы сверху вниз! Ты! Твоя мать! Клиника — «моя», а она — «подарила»! Дом — «наш», а прописан я по её милости! Ты хоть раз подумала, каково мне за вашим столом?!

— Отпусти.

— Я столько лет — «Вадим, отвези», «Вадим, тост», «Вадим, зелёный чай»! А она...

— Отпусти меня.

Он не отпускал. Кулак держал жилет у горла, и цепочка часов вдавилась мне в ребро через карман.

На звук стекла спустился Тарас. Я не слышала шагов, я увидела, как за спиной Вадима появилась куртка управляющего. Он не бежал. Он сделал два шага и встал между нами

так, что Вадиму пришлось разжать кулак.

— Здесь — хозяйка.

— Это моя жена, Тарас Гаврилович.

— Здесь — хозяйка, Вадим Игоревич.

Вадим отступил. Свеча перестала прыгать. Он поправил пиджак обеими руками, за лацканы, и посмотрел не на меня, а на Тараса.

— Ты всё равно ничего не решишь, Злат. Мама решит. Она всегда всё решает, и за тебя тоже.

— Наверх, Вадим Игоревич.

— Я иду.

И тогда со ступеней, сверху, из тёмного проёма, где дверь на террасу, заговорила Стася:

— Мам! Папа тебя тряс. Как я Улю, когда она не отдаёт.

Она стояла на четвёртой ступеньке, в кофте с котами, с куском пирога в руке, и переводила глаза с меня на отца, с отца на Тараса и обратно. Под сводами сделалось тихо так, что я слышала, как капает из крана третьей бочки: я не закрыла его до конца.

Мне стало страшно. Не за себя.

Вадим пошёл наверх мимо дочери и на ходу погладил её по голове, не останавливаясь.

— Иди к Кристине, Стася.

— Пап, а ты...

Он уже был на террасе.

Наверх я поднялась через минуту после него — мимо сто-

ла на сорок человек, где пели что-то про Дон и старались не смотреть в нашу сторону: Тарас им запретил, я это видела по спинам.

— Злата Андреевна, а хозяин куда? Только сел!

— В город. У врачей нет выходных.

— Так пусть бы остался, мы ему споём!

— Споёте в субботу.

Во дворе, у машины, он ждал меня.

— Я никуда из дома не уйду. — Он открыл дверцу и держался за неё. — Я там прописан. И маме я скажу сам. Что ты меня из-за администратора...

— Скажи. Сегодня. Иначе скажу я. При девочках.

— Не посмеешь. Ты их бережёшь больше, чем себя.

— Я скажу так, что они поймут. Стася уже всё сказала.

Ты слышал.

Он сел за руль. Дверцу оставил открытой.

— Норку верни.

— Какую... — Он осёкся на полуслове. — Ты её три года не носишь. И подругу свою к нашему столу больше не присылай.

— Она моя. Верни.

— Ей в ноябре холодно будет. Она беременная, Злат, ей...

— Ей холодно в октябре в моей норке. Верни.

Он захлопнул дверцу, потом опустил стекло.

— Я вернусь за девочками в субботу. Я отец.

— В субботу. При мне.

Машина ушла по тополиной аллее, и Кристина появилась рядом раньше, чем стих мотор, с планшетом, с лицом, на котором ничего не было написано, потому что это лицо она для меня и держит.

— Кристина. Гостевые дома для клиники «Плетнёв» — закрыть. Все брони их бригады на праздник — снять. Медицинский партнёр праздника — госпиталь, я маме завтра скажу. Вадима Игоревича на усадьбе — по субботам, при мне, к девочкам. Без сопровождающих.

— Поставила в график. — Она писала, не поднимая глаз.
— Злата Андреевна. Бокал в «Сводах» — я скажу убрать?
— Тарас уберёт.

Тарас уже собирал стекло в ладонь, по осколку, не торопясь, так, как он делает всё. Я спустилась и встала рядом. Лист лежал на бочке между свечами, и молодое отпечаталось на нём длинной полосой: Вадим, когда читал, положил его в лужицу.

— Злата Андреевна. — Тарас не разгибался. — Изольде Тихоновне я не скажу. Но если он ещё раз — скажу.

Я взяла лист, разгладила его на бочке, сгибы вчетверо, его рукой, и убрала в карман жилета, к часам.

— Скажешь, Тарас. Уже можно.

Он ссыпал стекло в карман куртки и пошёл к лестнице. На четвёртой ступеньке сидела Стася, с недоеденным пирогом. К Кристине она не ушла.

— А папа приедет в субботу?

ГЛАВА 4.

— Девочек уже забирают.

Охранник на посту водил пальцем по списку и не поднимал головы. Пятница, половина шестого, вестибюль Александровской гимназии, за спиной — кованая ограда и Паша у машины. Я приехала с усадьбы раньше собрания, в жилете, с часами в кармане, чтобы забрать девочек с продлёнки самой и посидеть с ними в машине полчаса, пока родители собираются.

— Кто забирает?

— Мама. — Он поднял глаза. — Она с папой приезжала, у нас записано. Доверенное лицо, всё по форме.

В гардеробе первых классов, у крючков с именами, стояла она.

Моя норка. Короткая, тёмная, с косым воротом, на ней распахнутая, потому что живот. Под ней платье в обтяжку, на ногах сапоги выше колена.

Она застёгивала Стасе куртку, присев на корточки, и говорила ей что-то в макушку. Уля стояла рядом с портфелем и смотрела в пол.

По лестнице на второй этаж, в актовый зал, шли родители первого «А», первого «Б» и первого «В», человек тридцать, и у гардероба они замедлялись, потому что все знали меня в лицо, а половина уже знала её.

— Злата Андреевна! — Она выпрямилась. Живот под норкой вынесла вперёд. — Мы с папой девочек забираем, у него сегодня папин день. А вы на собрание, да? Идите, там про выборы будут говорить, вам интересно.

— Сними мою норку.

— Я не поняла. — Она посмотрела на рукав. — Вадичка сказал — вы её не носите. Три года висела в чехле. А мне холодно, я беременная, мне нельзя мёрзнуть.

— Ты в моей норке приезжаешь в гимназию к моим детям и называешь себя их мамой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.